А.Н.Ужанков

"ЛЕТОПИСЕЦ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО": РЕДАКЦИИ, ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Попытки установить редакции и редакторов "Летописца Даниила Галицкого" [1], а также время их работы, были предприняты отечественными медиевистами уже в советское время. Однако прежде чем приступить к их рассмотрению, следует внести определенную ясность в применяемый исследователями термин "редакция".

При исследовании и изданиях текста одного памятника, когда существуют несколько отличных друг от друга вариантов содержания этого памятника, текстологи употребляют для их обозначения термин "редакция". К примеру, для "Повести временных лет" первая редакция - это непосредственно редакция Нестора III3 г., вторая, сохранившаяся в "Лаврентьевском летописном своде", - редакция Сильвестра III6 г. и, наконец, третья редакция III8 г. лучше сохранилась в "Ипатьевском летописном своде".

Кроме того, существует понятие "полная" или "краткая" редакции памятника, и так далее.

"Галицко-Волынская летопись" сохранилась в Ипатьевском, Хлебниковском, Погодинском и Ермолаевском списках и не имеет коренных текстовых различий - вариантов. То есть, говорить о редакциях "Галицко-Волынской летописи" в таком текстологическом понимании было бы неправильным.

---

[1] "Летописцем Даниила Галицкого" мы вслед за Л.В.Черепниным (I5.228-253) именуем "Галицкую летопись", представляющую собой первую часть "Галицко-Волынской летописи", входящей в "Ипатьевский летописный свод".

По отношению к "Летописцу" этот термин применен в несколько ином значении. Редакциями названы относительно самостоятельные части "Летописца Даниила Галицкого", составленные или разными авторами, или в разное время. Главное их отличие от "редакций текста" в том, что они не создают варианты одного и того же текста, а, следуя друг за другом, продолжают повествование далее, использовав (с редактурой или без нее) творение своего предшественника.

В какой-то степени эти редакции "Летописца Даниила Галицкого" можно сравнить с выделенными А.А.Шахматовым в "Повести временных лет" сводами - "Древнейшим Киевским сводом", "Первым Киево-Печерским сводом" Никона, "Вторым Киево-Печерским сводом" (или "Начальным сводом" 1095 г.) и "Повестью временных лет" Нестора, но с тою разницей, что отмеченные А.А.Шахматовым более ранние своды - законченные произведения, достигшие своей конечной цели. Скажем, если бы не сохранилась "Повесть временных лет", а только "Начальный свод" 1095 г., то мы бы и о нем говорили как о законченном интереснейшем труде по ранней истории Древней Руси.

Но как раз о завершенности всех редакций "Летописца" сказать нельзя. С правомерностью можно говорить об относительной завершенности только первой редакции. Следующая закономерно вытекает из предыдущей, не может без нее существовать, и, в целом, обе преследуют одну общую задачу: дают описание жизни и деятельности галицко-волынского князя Даниила Романовича от "младых" лет и до смерти. Задача эта более узкая, чем у "Повести временных лет", а потому взаимосвязь частей "Летописца" гораздо сильнее. Если бы сохранилась только одна редакция "Летописца", конечно, и о ней говорили бы, как о высокохудожественном произведении из жизни галицкого князя, но как о задуманном, но не законченном большом произведении о жизни древнерусского князя. О "Летописце Даниила Галицкого" в целом могли бы

только догадываться.

Вот главное отличие редакций "Летописца" от составных частей (сводов) любой летописи. "Летописец" изначально задумывался с четким конечным результатом, именно как княжеское жизнеописание, а не летопись. (Более подробно см. далее). Его невозможно было продолжать бесконечно, как любую летопись, поскольку он имел четкий хронологический предел - смерть князя. В этом еще одно его коренное отличие от летописи.

Предварительный вывод из сказанного - "Летописец Даниила Галицкого" построен по иным законам, нежели летопись. И методологический прием его исследования должен быть также иным. Этого не учли все его исследовали, традиционно подходившие к его изучению, как к летописи, и пытавшиеся выделить его редакции по образцу шахматовских летописных сводов. Именно поэтому во множестве цитат из таких исследований наблюдается чехарда терминов, когда редакции называются и редакциями, и летописями, и сводами, и даже повестями. И, кстати сказать, ни в одной из этих работ ни один из ученых не объяснил, что он подразумевал под тем или иным термином.

С этим и подойдем к рассмотрению исследований, в которых предприняты попытки установить редакции и редакторов "Галицкой летописи", то есть, "Летописца Даниила Галицкого".

I.

Первое, по времени, исследование принадлежит Л.В.Черепнину (I5.228-253), второе - В.Т.Пашуто (I0.I7-I0I), третье - А.И.Генсёрскому (2).

По мнению Л.В.Черепнина, "Летописец Даниила Галицкого" состоит из трех редакций. Первая редакция, или начальная повесть (так! - А.У.) (I5.244) написана в I2II г. и повествует о детских годах Да-

ниила и Василька Романовичей. Ее автором Л.В.Черепнин считает упоминаемого под 1205 г. "премудрого" книжника Тимофея, родом из Киева, который "притчею рече о том томителе Бенедикте..." (II.157). Других данных, подкрепляющих этот вывод не приводится, поскольку их попросту нет.

В последующем тексте Л.В.Черепнин выделяет еще две редакции с четко выраженными, по его мнению, тенденциями в изображении борьбы Даниила за галицкий престол: "Первая, принадлежащая начальной галицкой повести, приписывала инициативу призвания Даниила (на престол - А.У.) галицкому боярству. Вторая версия, проводником которой является автор Летописца 1256-57 гг. подчеркивала инициативу венгерского короля" (15.243), то есть третья редакция 1256-57 гг. явилась переработкой первоначальной галицкой повести с учетом политической конъюнктуры 50-х годов XIII в. - изменения политики князя Даниила и его упрочившихся связей с Западной Европой.

Восстанавливая вторую, по его нумерации, редакцию "Летописца Даниила Галицкого" Л.В.Черепнин приходит к выводу, что она была составлена между 1238 и 1245 гг., то есть, в период борьбы против феодального боярства и победы над ним в 1245-46 гг. По мнению ученого, "этот разгром (боярства - А.У.) должен был получить идеологическое обоснование в политической литературе того времени. В этих целях и была создана вторая редакция галицкой повести. Она представляет собой острый памфлет (так! - А.У.). В ней находим яркие сатирические образы галицких феодалов и идеологическую защиту позиций княжеской власти" (15.251).

Для этой повести "Летописец" использовал ранние литературные заметки, "которые вел какой-то близкий соратник Даниила в его борьбе за Галич" (15.251) и непосредственно материалы правительственного обследования системы боярского управления конца 30-х - начала 40-х гг. XIII в., собранные по поручению князя Даниила "печатником" Кирил-

лом и "стольником" Яковом. Автором этой второй повести (так! - А.Ж.) "Летописца Даниила Галицкого" Л.В.Черепнин считает тысяцкого Демьяна, литературные заметки которого якобы и "послужили основой для второй галицкой повести 40-х годов XIII века" (15.с.251-252). Из этого, видимо, следует заключить, что Демьян и есть тот самый "соратник Даниила в его борьбе за Галич", который написал "вторую повесть", использовав за основу свои ранние литературные заметки. Что это за заметки и почему ученый пришел к выводу об их существовании, Л.В.Черепнин не уточняет.

Что же касается окончательной - третьей - редакции, то "в 1256-57 гг. при кафедре холмского епископа по прямому заданию князя Даниила Галицкого был составлен "Летописец", ставивший своей задачей, во-первых, обличение боярской крамолы, обличавшей захваты русских земель польскими и венгерскими узурпаторами, во-вторых, - пропаганду организации лиги в целях борьбы с татарским игом" (15.252). Однако не понятно, на каком основании исследователь заключил, что "Летописец" был составлен именно при кафедре холмского епископа, и именно в 1256-57 гг., ведь повествование "Летописца" 1257 г. не заканчивается.

Необъяснимо и принятие этой даты без каких-либо поправок и оговорок Д.С.Лихачевым в его двух работах, касающихся "Галицкой летописи" (5; 6), и в предисловии к третьему тому "Памятников литературы Древней Руси", в котором содержится последняя публикация "Галицко-Волынской летописи" (7.20).

Так же осталось необъяснимым, почему для "обличения боярской крамолы" и "пропаганды организации христианской лиги в целях борьбы с татарским игом" был выбран жанр княжеского жизнеописания. Оставив эти вопросы без ответа, Л.В.Черепнин тем не менее констатирует, что "Летописец Даниила Галицкого" состоит из трех редакций: I-я - 1211 г.; II-я - 1238-45 гг.; III-я - 1256-57 гг.

В.Т.Пашуто при исследовании "Галицко-Волынской летописи" значительное внимание уделил выявлению ее источников, с тем, чтобы на их основании выделить редакции (10.17-134). Нас в данном случае интересуют выводы ученого касающиеся исключительно "Галицкой летописи", то есть, "Летописца Даниила Галицкого".

Проанализировав источники "первой редакции" "Галицкой летописи" В.Т.Пашуто пришел к выводу, что она представляет собой княжеский свод (так! - А.У.), созданный в 1246 г. в Холме, и потому он назван ученым Холмским (10.61-92). Причиной его составления, по мнению В.Т.Пашуто, стал ряд обстоятельств: "Разгромив... войска черниговского князя и связанные с ним полки венгерско-польских захватчиков, а также установив некоторый status vivandi с татарами, признавшими Даниила Романовича "мирником", галицко-волынский князь выразил твердое намерение стать главой всей русской земли, что подчеркнул открытым превращением своего канцлера Кирилла в митрополиты русские и отправлением его на поставление в Никею. Понятно, что все эти события служили достаточным основанием (разрядка В.Т.Пашуто - А.У.) для создания летописного свода, в котором князь Даниил представлялся великим князем "русской земли", преемником власти киевских князей..." (10.90).

Может быть, "все эти события" и послужили "достаточным основанием для создания летописного свода", но без доказательств с этим согласиться трудно. "Не раз отмеченное нами участие Кирилла в летописной работе (уточню - дважды отмеченное, а именно: "Содержание речи Кирилла, произнесенное им при встрече с Ростиславом Михайловичем ... наводит на мысль (и только! - А.У.), что Кирилл принимал деятельное участие в составлении летописного свода" (10.83); и еще раз: "Редактор включил в свой свод также серию известий о русско-венгерских отношениях, основав их ... частью на личных впечатлениях

печатника Кирилла" (10.87 и сл.); но каких впечатлениях? откуда о них знает В.Т.Пашуто, ведь "Летописец" об этом ничего не сообщает? - А.У.), а также высокое назначение, пожалованное ему князем, дают достаточное основание считать его одним из руководителей (он не автором, это существенная оговорка - А.У.) в создании этого обширного летописного свода. Вполне светское недавнее прошлое митрополита благотворно отразилось на созданном труде, оказавшемся свободным от обычного в летописании той поры налета церковщины. Таков княжеский холмский свод митрополита Кирилла, составленный, вероятно, до отъезда его в Никею, т.е. около 1246 г." (10.91-92). Трудно признать, что дважды отмеченное возможное участие Кирилла в летописной работе (подчеркиваю, возможное, поскольку в обоих случаях не приводятся доказательства этого участия) служит "достаточным основанием считать его одним из руководителей ... летописного свода".

Попутно замечу, что термин "канцлер" в то время, то есть в XIII в. на Руси не употреблялся. Он пришел из Западной Европы позднее. На Руси, и в частности в Галицко-Волынском княжестве, подобные канцлеру функции выполнял "печатник" - хранитель княжеской печати. Именно эта должность Кирилла и названа в "Летописце Даниила Галицкого" под 1241 г.

Свою точку зрения о причастности Кирилла к составлению свода 1246 г. В.Т.Пашуто подкрепляет ссылкой на исследование Д.С.Лихачева "Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского" (5), в котором Д.С.Лихачев, по оценке В.Т.Пашуто, "устанавливает участие бывшего галицкого печатника митрополита Кирилла и галицких книжников в летописании северо-восточной Руси и вскрывает существование галицкой литературной традиции в "Житии Александра Невского"; оно служит еще одним веским аргументом в пользу того мнения, что составление свода 1246 г. нужно связывать с именем Кирилла". (10.91). Здесь следует еще раз оговориться. Д.С.Лихачев, как и В.Т.Пашуто,

только предполагал участие Кирилла в создании "Летописца" и "Жития Александра Невского", причем свое предположение (а не вывод!) ученый повторил недавно в книге "Великий путь": "Автор жизнеописания - начитанный дружинник, скорее всего - это "печатник" князя Кирилл, ставший затем митрополитом, или кто-то из его окружения" (подчеркнуто мной - А.У.) (8.86). То есть, в обоих случаях выдвинутая гипотеза осталась пока недо-казанной.

Вернемся, однако, к предположению В.Т.Пашуто о том, что Кирилл принимал "участие ... в летописной работе" и был "одним из руководителей в создании этого ... летописного свода" (10. 91-92). Что конкретно подразумевал исследователь под "участием в летописной работе" он не объяснил, и об этом можно только догадываться по аналогии с упомянутыми в исследовании, как авторами определенных сообщений (но текстологически не доказанными!), тысяцким Демьяном (10.74-78), дворским Андреем (10,с.89), стольником Яковом (10.79), книжником Тимофеем (10.33-34). Их рассказы (отчеты), по мнению ученого, легли в основу свода, причем, как пишет В.Т.Пашуто, в одном случае Демьян сам вносит в свод определенный текст (10.78), в другом - отчет стольника Якова обрабатывается редактором и вносится в летопись (10.79), в третьем - записывается со слов дворского Андрея (10.89) или того же Демьяна (10.36). Что послужило основанием для воспроизведения таких подробностей творческой работы большого коллектива людей над "Летописцем" В.Т.Пашуто не указывает. Судя по всему, и Кирилл мог сам вносить записи в летопись, или же с его слов это делал редактор. Честно говоря, мне трудно представить технологию работы упомянутых авторов. Неужели каждый желающий мог подходить и вносить какие-то свои записи в официальную летопись? Или, все-таки был один официальный летописец, который отбирал и обрабатывал необходимые для летописи сообщения упомянутых лиц?

Надеюсь в дальнейшем ответить на эти вопросы.

Бездоказательным получился и вывод относительно второй редакции "Галицкой летописи" - "Холмской летописи" епископа Ивана начала 60-х гг. "Если считать, - пишет в своей монографии В.Т.Пашуто, - составителем холмской летописи начала 60-х годов XIII в. епископа Ивана, то над ее текстом можно сделать еще несколько наблюдений..." (10. 97). А если не считать, то что тогда? Какова ценность дальнейших выводов ученого и можно ли принимать их на веру, чтобы потом на них ссылаться, ежели опираются они на "если считать"? Но самое главное - вызывает недоумение тот факт, что исследование и выводы строятся на одном бездоказательном посыле об авторе второй редакции "Летописца" - епископе Иване. Это более чем странный исследовательский прием для такого крупного ученого, каким являлся В.Т.Пашуто.

Итак, согласно недоказанной, но уже некоторыми медиевистами принятой гипотезы В.Т.Пашуто, "Летописец Даниила Галицкого" состоит из двух редакций: I-й - 1246 г. ("Холмский княжеский свод" Кирилла, говоря словами В.Т.Пашуто) и II-й - начала 60-х гг. ("Холмская летопись" епископа Ивана). Обе, как видим, составлены в Холме.

Еще одно рассуждение по поводу структуры "Летописца Даниила Галицкого" принадлежит украинскому ученому А.И.Генсёрскому. Он не учитывает работ своих предшественников, то есть не только не анализирует их и не сравнивает со своими разысканиями, но даже не упоминает о них. В основу своего исследования А.И.Генсёрский положил методику А.А.Шахматова и предпринял попытку из самого позднего свода - "Галицко-Волынской летописи", завершенной на Волыни, вычленить более ранние ее редакции. Вначале - волынские, затем - галицкие. В итоге он приходит к выводу, что "Галицкая летопись" состоит из двух редакций: I-я заканчивается по "Ипатьевскому летописному своду" 1234 г. и написана около 1255 г. II-я продолжает первую до 1266 г., закончена около 1269 г. Обе редакции составлены в Холме (2.99).

А.И.Генсёрский также попытался назвать авторов этих двух редакций. Автором редакции 1234 г. он склонен считать "седельничего" князя Даниила - Ивана Михалконича Скулу, упоминаемого "Летописцем" под 1230 г.: "Ивана же посла, седелничего своего, по неверныхъ Молибоговичихъ и по Волъдрисе, и поимано бысть их 20 и 8 Иваномъ Михалковичемъ, и ти смерти не прияша, но милость получиша" (II.763). Такая точность в рассказе, по мнению А.И.Генсёрского, говорит об авторе - очевидце. Замечу, однако, что Иван Скула был не просто очевидцем операции, а ее непосредственным участником, и почему в таком случае не берется во внимание, что он мог сообщить эту информацию кому угодно, в том числе и автору"Летописца"?

Другое доказательство своей гипотезы А.И.Генсёрский якобы находит в описании под 1213 г. битвы польского князя Лешка и венгерского короля Коломана с войском Мстислава Удалого [2] под Город-ком. Воевода Мстислава Удалого - Дмитрий - не выдержал вражеского напора и побежал с поля боя:" Тогда же и Василь, дьяк, рекомый Молза, застреленъ бысть подъ городомъ; Михалко же Скулу убиша, согониве на Щиреце, а главу его сосекоша, трои чепи сняша золоти и принесоша главу его ко Коломанови". "Михалко Скула - это, как видно из контекста, Михалко Глебович (также воевода Мстислава Удалого - А.У.). Отметить его смерть в официальных записях мог, очевидно, всякий хронист, и на их основе, конечно, и автор свода (так! - А.У.). Но история с принесением головы к Коломану, а тем более с тремя золотыми цепями - это уже детали, которые имели значение для родственников

---

[2] Мстислав Мстиславич прозван своими современниками "Удатным", то есть "способным", "удачливым", однако историки традиционно называют его "Удалым", что приходится делать и нам, дабы не вводить путаницу.

Михалка (и о каких память сохранилась только среди родни). Внести их в летопись мог только автор - родственник. Следовательно, взвесив, с одной стороны, это обстоятельство, а с другой - предположение, что автором свода 1234 г. был седельничий Иван Михалкович, можно сделать вывод, что этот Иван Михалкович - сын Михалка Глебовича Скулы, и только благодаря тому, что именно он является автором свода 1234 г. эти известия о Михалке Глебовиче попали в летопись" (2.92).

Под 1234 г. летописец рассказывает о поражении Даниила и его союзника Владимира Рюриковича в битве с князем Изяславом и его половцами, которая произошла "съветом безбожного Григория Василевича и Молибоговичевъ". Вторая фамилия, по замечанию А.И.Генсёрского, была интересна только автору повести (см. цитату выше, где Иван Михалкович упомянут как пленитель Молибоговичей), поскольку у него были свои взаимоотношения с крамольными боярами. Тот факт, что после 1234 г. эта боярская фамилия не встречается больше (а именно этим годом по мнению А.И.Генсёрского заканчивается повесть - так! - А.У.), только подчеркивает эту заинтересованность. "Таким образом, седельничий Иван Михалкович Скула был редактором свода 1234 г." (2.92-93).

Прервем рассуждения ученого, чтобы сделать по их ходу ряд замечаний. Где доказательство того, что "седельничий", то есть конюшенный, князя Даниила Романовича - Иван Михалкович Скула умел писать? К тому же, неубедительным кажется вывод А.И.Генсёрского, что автором трагической истории мог быть только родственник Михалка Глебовича. Вполне допустимо, что предание хранилось в его семье, и не исключено, что кто-то из родственников мог рассказать его летописцу. Ведь многие предания Яна Вышаты попали в "Повесть временных лет", но внесены они были не родственниками Вышаты, и не им самим, а печерским летописцем...

В дальнейшем "Летописец" не упоминает имени Ивана Михалковича Скулы, но зато под 1223 г. находится сообщение о поставлении Ивана, церковного "достойника" Богородичной церкви во Владимире на епископскую кафедру в Холме. А.Генсёрский считает, что мы имеем дело с одним и тем же лицом - Иваном Михалковичем Скулою (2.94-95). На основании восстановленных биографических данных Ивана Михалковича А.И.Генсёрский заключает, что первая редакция "Летописца" была составлена в Холме (2.92). Необходимо, однако, заметить, что, во-первых, биография одного из героев повествования и редакция "Летописца" вещи суть разные. Осталось недоказанным самое главное - причастность Ивана Михалковича к созданию жизнеописания Даниила Галицкого. Ученый так и не привел в качестве доказательства ни одного факта, который бы подтвердил, что Иван Михалкович Скула является автором (или редактором) первой редакции "Летописца". Очевидно, что открытие А.А.Шахматовым имени летописца Никона, точнее, метод открытия, сыграл не последнюю роль в исследовании А.И.Генсёрского.

А, во-вторых, вывод А.И.Генсёрского о тождестве седельничего Ивана Михалковича Скулы с церковным "достойником" Богородичной церкви Иваном, ставшим впоследствии епископом, ошибочен. Отождествление произведено на основе совпадения имени двух лиц. Но исследователь упустил из виду одно весьма важное обстоятельство: епископом мог стать только представитель черного духовенства, то есть монах. А при пострижении в монахи светское имя заменялось монашеским. Так-что в данном случае тождество имен красноречиво свидетельствует, что это разные люди!

А.И.Гнесёрский определяет время работы над первой редакцией "Летописца" исходя из возможностей епископа Ивана. А поскольку Иван-епископ не мог быть автором (редактором) первой редакции "Летописца", ибо не был (и не мог быть!) прежде Иваном Михалковичем Скулою,

которому приписывает авторство А.И.Гнесёрский, то, стало быть, исследователь на основе ложного посыла приходит к неправильному выводу. А мог ли сам Иван Михалкович Скула работать над "Летописцем" в 1255 г. - неизвестно, поскольку "Летописец" после 1230 г. о нем больше не вспоминает. Так-что предположение А.И.Гнесёрского о первой редакции 1234 г. и времени ее создания - 1255 г. не могут быть признаны верными.

Обратимся к рассмотрению второй редакции, датированной А.И.Гнесёрским 1266 г., составленной, по его мнению в 1269 г. в Холме (2.66-68). Ее автором, полагает А.И.Гнесёрский, был Дионисий Павлович, о котором сообщается в статье под 1257 г.. В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит следующие факты. В 1241 г. князь Даниил поручает своему печатнику Кириллу "исписати грабительства нечестивых бояръ". Уважительные слова, которыми характеризуется деятельность Кирилла в этой экспедиции, могут, по мнению А.И.Гнесёрского принадлежать подчиненному Кирилла. Из чего строится заключение, что, возможно, автор тогда работал под руководством Кирилла и участвовал в этом походе в Бакоту. Вот почему в тексте "Летописца" приводится точная численность войска Кирилла: 3000 "пешець" и 200 "коньникъ" (2.75). А поскольку впоследствии Кирилл стал русским митрополитом, то "следовательно, возможно, автор стал позднее преемником Кирилла на должности печатника" (2.75).

Дальнейшие рассуждения исследователя строятся, как и у В.Т.Пашуто, на одних предположениях. В статье под 1257 г. повествуется, как Дионисий Павлович по поручению тех же князей - Даниила, Василька и Льва, но уже самостоятельно, то есть без Кирилла, отправляется с подобной миссией в Межибожье (в соседние, а не те же, как считает А.И.Гнесёрский, места - см. карту у В.Т.Пашуто - А.У.), "очевидно потому, что он уже ранее там (? - А.У.) выполнял подобное задание,

знал местность и отношения и должен был одновременно привести в порядок административные дела" (2.81). Поскольку обе экспедиции похожи А.И.Гнесёрский считает, что Дионисий Павлович отправился выполнять свою миссию, заступив на посту печатника своего предшественника Кирилла (2.81-82). Следовательно, именно ему, по мнению А.И.Гнесёрского, принадлежат и хвалебные слова о Кирилле под 1241 г. (2. 75), и вторая, созданная в 1269 г. (2.10-16), редакция вцелом (2. 66-90). Однако выводы, сделанные на основе одного предположительного факта, не выглядят убедительными. И на сей раз решение вопроса о редакциях и редакторах, предложенное А.И.Гнесёрским, не может быть признано удачным.

Итак, мы рассмотрели три исследования структуры "Летописца Даниила Галицкого", три традиционных подхода к "Летописцу" как к летописи, а то и летописному своду. Отсюда, видимо, стремление ученых выделить в его составе более ранние повести, летописи, и даже своды, а в целом, представить процесс его сложения по типу летописного свода. Но даже при таком единодушном методологическом подходе к исследованию "Летописца Даниила Галицкого", когда за основу выделения редакций бралась определенная группа источников - в основном сведений тех или иных лиц, ученые пришли к разным выводам.

Л.В.Черепнин выделил три редакции: Начальную редакцию 1211 г. (автор - Тимофей), вторую - 1238-45 гг. (автор - Демьян), и третью - 1256-57 гг. (автор не установлен).

В.Т.Пашуто выделил две редакции - 1246 г. (руководитель - Кирилл) и начала 60-х годов (руководитель - епископ Иван).

А.И.Генсёрский выделил также две редакции: первую - 1234 г. (автор или редактор - Иван Скула), созданную в 1255 г., и вторую - 1266 г., созданную в 1269 г. Дионисием Павловичем.

Подводя итог этим в общем-то незначительно дополняющим друг дру-

га исследованиям, следует обратить внимание на некоторую близость в датировках второй редакции (1238-45 гг.) Л.В.Черепниным и первой редакции (1246 г.) В.Т.Пашуто, которая, возможно, указывает на правильное направление поиска.

Заслуживает внимания и предположение Д.С.Лихачева, поддержанное В.Т.Пашуто, об участии в составлении "Летописца" печатника Кирилла. Помимо обоснования этой гипотезы необходимо еще выяснить, какую именно роль играл митрополит Кирилл при создании "Летописца": был ли он, как полагает В.Т.Пашуто, руководителем работ, или же сам принимал участие, как допускает Д.С.Лихачев, в его написании. Но эта тема требует самостоятельного рассмотрения.

Нельзя обойти вниманием и совпадение мнений В.Т.Пашуто и А.И.Генсёрского о составлении "Летописца Даниила Галицкого" в Холме.

Вот, собственно, все то, что имеет литературоведение на сегодняшний день в изучении структуры "Летописца". Из этого обзора понятно, что до окончательного разрешения вопроса еще далеко, поэтому взглянем еще раз на данную проблему, учитывая опыт и ошибки предшественников.

2.

На мой взгляд "Летописец Даниила Галицкого" состоит из двух поздних по составлению редакций, близких к выделенным В.Т.Пашуто. Обособление Начальной редакции 1211 г., как это сделал Л.В.Черепнин, кажется не целесообразным, и вот почему. Если "Галицкую летопись" сопоставить с более поздними летописными сводами - "Софийской I-й летописью", "Новгородской IУ", "Воскресенской", "Львовской", "Тверской", "Никоновской" и др., то можно заметить, что они содержат в своем составе ряд сведений по истории Галицкой Руси, которые отсут-

ствукт в "Летописце Даниила Галицкого" [3] (3, с.149-151).

К ним можно отнести сообщение о двух походах Рюрика с Ольговичами на Галич: в 1205 и 1206 гг. "Летописец" сообщает только об одном походе, при этом не упоминает Ольговичей. Под 1206 г. во всех северно-русских летописях сообщается о приглашении галичанами Ярослава Всеволодовича Переяславльского на галицкий престол, а в "Летописце" упоминание об этом вовсе отсутствует. Ничего в нем не сообщается и о походе в 1207 г. из Галича Владимира Игоревича на помощь Всеволоду Чермному Киевскому, упоминание о котором есть в Черниговской летописи под 1207 г. Под 1210 г. "Никоновская летопись" сообщает о кратковременном княжении в Галиче Ростислава Рюриковича, "Летописец Даниила Галицкого" не знает и этого. Не знает он и о требовании Мстиславом Мстиславичем Галицкого престола у венгерского короля в 1214 г., отраженном в "Никоновской летописи". Не сообщает и о том, что король, посадив на галицкий престол своего сына, "епископы и попы изгна изъ церкви, а свои попы Латыньския приведе на службу" ("Восресенская летопись" под 1214 г.), или "церкви претвори въ латынскую службу" ("Никоновская летопись" под 1214 г.). Не упоминает "Летописец" о втором походе Мстислава Мстиславича на Галич в 1221 г. и его битве с венграми ("Никоновская летопись"), а содержит сведения только о первом и третьем походах.

Некоторые другие сообщения этих летописей имеют, между тем,

---

3 Б.Т.Пашуто полагает, "что Воскресенская летопись пользовалась (в отношении южных известий первой половины XIII в.) сходным с Ипатьевским списком, в котором читалась Киевская летопись, доводившая свое изложение до 1238 г." (10.21). К тому же выводу приходит и Б.А.Лимонов: "Видимо, южным источником северо-восточных летописей была киевская великокняжеская летопись" (4.168).

родственную связь с повествованием "Летописца Даниила Галицкого", на что обратил внимание в свое время еще А.И.Гнесёрский: "Буквально совпадает часть описания битвы на Калке (Ипат. I224, Воскрес. I223) и повесть о походе Батыя, особенно описание обороны Козельска (Ипат. I237, Воскр. I238, Соф. I-я, Ростов.), местами совпадает описание завоевания Батыем Переяслава и Чернигова (Ипат. I237, Воскр. I239, Новгор.IУ, Соф. I-я, Твер.). Так же совпадает описание осады Батыем Киева (Ипат. I240, Воскр. и др.)" (2. I8-I9) [4].

Трудно представить, чтобы киевский "книжник" Тимофей, упомянутый в самой летописи под I205 г. (II.I57), составляя "Начальную летопись" I2II (I5.244), не коснулся в своем повествовании тех событий I205-I2I0 гг., о которых мы говорили выше, и которые сохранились в северо-восточных летописях, то есть, далеко не местных источниках. Если Тимофей и имел какое-то отношение к галицкому летописанию, то не непосредственное, а опосредственное, то есть, через использованную редактором первой редакции "Летописца" "Киевскую великокняжескую летопись" I238 г., в создании которой Тимофей, возможно, мог участвовать, поскольку был духовником Мстислава Удалого и жил в Киеве, то есть, в принципе должен был быть в курсе галицких событий. (I0.34-37). А то обстоятельство, что описание этих событий не попа-

---

4 А.И.Гнесёрский сопоставляет "Галицкую летопись" с гипотетичным "Владимирским полихроном", легшим, по мнению А.А.Шахматова, в основу "Воскресенской" и некоторых других летописей (I6.I59). В свое время М.Д.Приселков убедительно доказал, что такого свода не существовало (I2.46,95). Его поддержал Д.С.Лихачев (6.432). В настоящее время существование "Владимирского полихрона" не признается; поэтому целесообразно сравнивать данные "Летописца" непосредственно с северно-русскими летописями.

ло в "Летописец" как раз свидетельствуют, что к галицкому летописанию он прямого отношения не имеет.

Автор первой редакции "Летописца" действительно использовал труд своих коллег - киевских летописцев, поскольку ко времени его работы над "Летописцем" в Выдубицком монастыре в Киеве уже существовала "Киевская летопись" 1238 г., а других летописных источников он по истории Галичины не имел (10.21-67). Поэтому трудно согласиться с выводами Л.В.Черепнина о существовании Начальной редакции летописи 1211 г. Судя по всему, существовали только две более поздние редакции "Летописца". К этому выводу мы приходим после внимательного изучения самого текста "Летописца" и, прежде всего, его манеры изложения материала.

Цельность начального повествования "Летописца" за первое десятилетие отмечал и сам Л.В.Черепнин, что, кстати, и привело его к ошибочному выводу об определенной самостоятельности этой части "Летописца" (15.243-244). Как и все повествование "Летописца" в целом, так и сведения первых десятилетий очень тесно взаимосвязаны между собой, не имеют погодной разбивки, что дает возможность говорить о целостном характере изложения событий. Автор повествует только об основных с его точки зрения событиях, в их оценке выражает свое к ним отношение и не только вводит читателя в мир описываемого, но и как бы исподволь подводит его к восприятию главного в произведении.

Начало "Летописца" повествует о скитаниях малолетних Даниила и Василька Романовичей, сильно пострадавших от произвола галицких бояр. После гибели в 1205 г. их отца Романа Мстиславича Галицкого княжичи оказались не только без отцовского престола, но и за пределами самого княжества; причем даже в разных местах: Даниил попал в Венгрию, а Василько в Польшу. Несомненно, что идеологическим центром повествования "Летописца" явилось отражение борьбы князя Даниила и его

младшего брата Василька с боярством за возвращение себе отцовского княжества. Именно этим, почти 30-летним, периодом борьбы с боярством начал подробный, со всем множеством детелей целеустремленный рассказ "Летописец" о трудном княжении Даниила Романовича.

Обращает на себя внимание одна особенная черта "Летописца": чем ближе его автор подходит в отображении истории ко времени своей работы, тем больше в тексте встречается подробностей. Этот вывод подтверждается и тем фактом, что "Летописец", начиная с 1223 г. - битвы на реке Калке - содержит все те же сведения, что и другие, уже упомянутые летописи. Следует, таким образом, предположить, что начальную историю Даниилова княжения автор составлял с одной стороны по воспоминаниям и устным рассказам очевидцев, о которых говорит в тексте, а с другой - используя "Киевскую летопись" 1238 г. (10. 21-91), продолжая "Летописец" уже как очевидец происходящего. Именно поэтому отсутствуют в начале "Летописца" точные даты (о неверной хронологии Ипатьевского списка см. специальную работу М.Грушевского - 3-а), конкретный материал заменяется околособытийными известиями. Это может свидетельствовать только о недостатке фактических знаний по начальной истории Даниилова княжения, а так же о том, что воспроизводилась она спустя определенное время - достаточное, чтобы многое забылось.

Однако лучшим доказательством того, что не существовало начальной редакции 1211 г., служат сами сообщения о событиях и людях 10-х гг., которые тесно связаны с повествованием о 20-30-х гг. Под 1207 г. "Летописец" повествует о несостоявшемся намерении венгерского короля Андрея выдать свою малолетнюю дочь Елизавету замуж за Даниила Галицкого и здесь же говорит о ее дальнейшей судьбе: "И да дщерь свою за Лонокрабовича за Лудовика, бе бо мужъ силенъ и помощникъ брату ее юже ныне святу наречають" (11.723). Известно, что Елизавета умерла

в 1231 г. и была канонизирована в 1234 г. (I.17). Поскольку оба сообщения не являются позднейшими вставками, то приходится заключить, что автор "Летописца" работал после 1234 г., поскольку ему было известно о канонизации Елизаветы.

Далее, под 1213 г. агиограф перечисляет детей Даниила, которому в ту пору было только 13 лет, родившихся от его брака с дочерью князя Мстислава Удалого Анной: "и родиша от нея много синови и дщери, первенец бо бе у него Ираклей, по нем же Левъ (ум. в 1301 г.) и по немъ Романъ (ум. в 1288 г.), Мстиславъ, Шеварно (ум. в 1269 г.) и инии бо млади отидоша света сего" (II.732). Такое сообщение можно было сделать не ранее конца 30-х гг. уже зная судьбы детей князя Даниила, поскольку даже под 1249 г. говорится о Льве, что он "младъ сы", то есть имел юный возраст. Попутно еще замечу, что Даниил женился осенью 1217 г., одна из дочерей родилась в 1224 г., другая - в 1250 г. вышла замуж за Андрея Ярославича, а в те времена замуж отдавали довольно юных дочерей.

Под тем же 1213 г. рассказывается о гибели в борьбе с поляками воина князя Даниила - Клима Христинича со следующим замечанием: "его же крест и доныне стоить на Сухой Дорогови". Даже деревянный крест мог вполне достоять до начала 40-х гг.

Под 1217 г. впервые сообщается о "прегордом" венгерском воеводе Филе с ремаркой: "во ино время убьен бысть Даниилом Романовичем древле прегордый Филя". О последнем же "Летописец" повествует под 1249 г. (по "Ипатьевской летописи"), исторически события произошли в 1245 г. Следовательно, рассказ 1217 г. писался после 17 августа 1245 г., когда был казнен венгерский воевода Филя. Это существенная уточняющая деталь, когда писалась первая редакция "Летописца". Причем следует отметить, что рассказ, в котором, собственно, и описано пленение Даниилом Фили и последующая его казнь, ведется, по-видимо-

му, очевидцем с упоминанием всех подробностей: "Даниилъ же видевъ близъ брань Ростиславлю и Филю в заднемъ полку стояща со хоругвью рекущю яко Русь тщивы суть на брань, да стерпимъ устремление ихъ... приде на ны Данило ... Данила же емшу исторжеся из руку его и выеха ис полку. И видевь Угрина грянщушаго на помощь Фили, копьемь сътче и, и вогружену бывшу в немь, уломлену спадеся изъдше" (II. 803-804).

Не безынтересно в плане вычленения первой редакции и двукратное упоминание каких-либо событий в разных местах и контекстах. Очень искусное их вплетение в канву текста с помощью различных литературных приемов сразу снимает вопрос о позднейших вставках и свидетельствует о принадлежности их одному автору. Так например, под 1238 г. помещен небольшой рассказ о мытарствах черниговских князей Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава и об оказанной им услуге их противниками (увы, было и так!) Даниилом и Васильком Романовичами: "... яко бежалъ есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ехавъ (Ярослав Всеволодович Суздальский - А.У.) я княгиню его ... поима ... Слышавъ же се Даниилъ, посла слы река: "Пусти сестру ко мне, зане яко Михаилъ обеима нама зло мыслить" ... Присла бо Михаилъ слы Даниилу и Васильку (после того, как был прогнан венгерским королем - А.У.), река: "Многократы согрешихо вам и многократы пакости творях ти ... Ныне же клятвою кляну ти ся, яко ником же вражды [illegible] не имамъ имети". Даниилъ же и Василько не помянуста зла, выдаста [illegible] сестру и приведоста его из Ляховъ. Данилъ же светъ створи со братом си, обеща ему Киевъ, Михаилови, а сынови его Ростиславу вдасть Луческъ ... Данилъ же и Василько вьдаста ему ходити по земле своей, и даста ему пшенице много и меду и говядь и овець доволе..." (II.783).

А теперь сравним ее со словами печатника Кирилла, сказанными Ростиславу Михайловичу, и приведенными уже под 1241 г.: "Се ли тво-

ри возмездье уема своима воздобродеанье! Не помниши ли ся, яко король угорьский изгналъ тябе и земле сь отцьмь ти? Како тя восприаста огосподина моя, уя твоя, отча ти во величи чести держаста, и Киевъ обечаста, тобе Луческъ вдаста, и матерь твою и сестру свою изъ Ярославлю руку изъяста и отчю ти вдаста" (II.791). Налицо использование одного и того же материала одним автором: в первом случае - в виде авторского повествования, во втором - в прямой речи персонажа, не фигурировавшего ранее.

Или другой пример из того же ряда. Под 1240 г. сообщается: "Преже того ехалъ бе Данило князь ко королеви Угры, хотя имети с ним любовь сватьства, и не бы любови межи има" (II.787). А вот косвенная ссылка на это известие из последней статье первой редакции "Летописца": "Въ то же лето присла король угорьский вицькаго река: "Поими дщерь ми за сына своего Лва. ... Помыслив же си с братомъ, глаголу его не уя веры, древле бо того изменилъ бе, обещавъ дати ощерь свою" (II.809). И таких примеров в "Летописце" достаточно.

К этому следует добавить, что тот автор, который работал в середине 40-х гг. над "Летописцем", использовал в своем труде, как установил В.Т.Пашуто, "Киевскую великокняжескую летопись", заканчивающуюся 1238 г. (10. 21-91). В этой связи любопытно взглянуть на его обработку южнорусских источников о битве на реке Калке в 1223 г., почерпнутых, прежде всего, из "Киевской летописи".

В специально посвященном этому вопросу исследовании В.К.Романов приходит к выводу, "что основным источником ... статьи является киевский текст о битве, но спустя значительное время после битвы он был выправлен галицким редактором..." (13.99). Обработка киевского источника выразилась в стремлении автора придать ему свою идейную направленность. "... Надо думать, что данные отрывки отражают текст, созданный книжником, близким Даниилу, стремившимся к наибо-

лее полной характеристике его личных качеств. Время создания этого текста следует относить ко второй половине 40-х - первой половине или середине 50-х гг. XIII в., когда политическое могущество Даниила стало общепризнанным" (13.102).

Для нас важен сам факт использования "Киевской летописи" 1238 г., в которой находилось сообщение о Калкской битве, в качестве источника некоторых статей I-й редакции "Летописца". Видимо, из нее заимствовал "Летописец" и сведения по истории княжения Мстислава Удалого в Галиче в 1219-1228 гг. Именно "Киевская летопись", по мнению В.Т.Пашуто, содержала подробные сведения об этом княжении, причем на это раз свои выводы он обосновал более убедительно (10. 21-68).

И здесь еще раз необходимо подчеркнуть, что биограф Даниила творчески подходил к использованию материала этой летописи, отбирая только необходимое для подкрепления его концепции истории Даниилова княжения. Об этом свидетельствуют упомянутые выше сведения по истории Галицкой Руси, сохранившиеся в северо-русских летописях, но не нашедшие отражения в "Летописце". Это тем более интересно, поскольку, как показали исследования В.Т.Пашуто и Ю.А.Лимонова, источником северо-восточных летописей по южно-русской истории была та же "Киевская великокняжеская летопись" 1238 г., то есть тот же, что и у "Летописца" источник (10.21; 4.168).

Но вернемся к заметкам "Летописца" конца 10-х - начала 20-х гг., которые, как мы видели, связаны тематически, а, главное, хронологически с событиями конца 30-х - первой половины 40-х гг. Чтобы в 1217 г. написать о будущей гибели Фили от руки Даниила, нужно было об этом знать. Стало быть, автор работал над первой редакцией "Летописца" (пока ее хронологических границ мы не указываем, определим их ниже) не ранее 17 августа 1245 г.

Следовательно, нельзя согласиться с предложением Л.В.Черепнина о существовании самостоятельной "Начальной летописи" 1211 г.,и с ограничением А.И.Генсёрского первой редакции "Летописца" 1234 г. Что же касается размышлений Л.В.Черепнина о времени создания второй (по его классификации) редакции - 1238-1245 гг. - то их невозможно принять по той же причине: текст "Летописца" от начала и до августа 1245 г. писался сразу (отсюда - продуманность композиции произведения) и, совершенно точно, после 1245 г., о чем свидетельствует текст самого "Летописца".

Так, под 1240 г., в статье об осаде Киева монголо-татарами так же имеется примечательная ремарка, свидетельствующая, что рассказ этот писался не ранее августа, но уже 1246 г.! В числе всевод Батыя, пришедших под стены Киева, упомянут и Гуюк (в "Летописце" - Кююк), который "вратися уведавъ смерть канову, и бысть каномъ..." (II.785). А избрание Гуюка великим ханом монгольским состоялось 24 августа 1246 г. (I.39).

С весны 1234 г. и по сентябрь 1245 г. (1250 г. по "Ипатьевской летописи") "Летописец" очень подробно рассказывает о сложных взаимоотношениях Галицкого князя Даниила Романовича и Черниговских князей Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава Михайловича. Это цельный рассказ без каких-либо позднейших вставок и исправлений.

Под 1245 г. по "Ипатьевской летописи", то есть, за 4 года до рассказа о смерти Фили, среди описываемых событий 1242-44 гг. помещен рассказ о поездке Михаила Всеволодовича к Батыю в Орду, "прося волости своее от него" и трагическом конце черниговского князя и его боярина Федора: "Батыи же яко сверепыи зверь возьярися, повеле заклати, и закланъ бысть (Михаил - А.У.) безаканьнымъ Доманомъ Путивльцемь нечестивым, и с ним закланъ бысть бояринъ его Федор, иже мученическыи пострадаша" (II.795). Дата гибели черниговцев извест-

на точно - 20 сентября 1246 г. (1.43,47). И еще раз, уже под 1250 г., повествуя о событиях 1245-46 гг. автор упоминает о гибели двух русских князей - Ярослава Всеволодовича Суздальского и Михаила Всеволодовича Черниговского в Орде, причем с весьма интересной для нас авторской ремаркой: "... Михаила, князя Черниговского, не поклонившуся кусту, со своимъ бояриномъ - Федоромъ, ножемъ заклана быстра, еже преде сказахомъ кланение ихъ, еже венець прияста мученицки" (II, т.П, ст.808), а об этом писалось как мы видели выше, под 1245 г. То есть, и эти статьи взаимосвязаны между собой.

Примеры использования автором сведений из более позднего времени при описании ранних событий позволяют заключить, что весь текст "Летописца Даниила Галицкого" с самого начала и по 1250 г. включительно представляет собой неразрывный текст, который принадлежит одному автору.

Здесь хотелось бы обратить внимание на две примечательные особенности авторских экскурсов во времени. Первая - постепенное сокращение временной дистанции между упоминаемыми событиями. В начальной части "Летописца" эта дистанция значительна. В 1207 г. сообщается о канонизации Елизаветы, произошедшей в 1234 г., то есть спустя 27 лет. В 1213 г. приводится информация о детях Даниила Галицкого, хотя его брак состоялся только в 1217 г., которую можно было получить в конце 30-х - начале 40-х гг. В 1217 г. сообщается о смерти Фили, произошедшей в 1245 г. - разница 28 лет.

А при изложении событий 40-х гг. временная дистанция между упоминаемыми разновременными событиями сходит на нет. Под 1240 г. сообщается об избрании Гуюка великим ханом монгольским, а случилось это 28 августа 1246 г., то есть спустя 6 лет. Под 1245 г. говорится о трагической гибели Михаила Черниговского, произошедшей 20 сентября 1246 г., то есть, на следующий год. Под 1250 г. рассказывается о по-

ездке князя Даниила в Орду (исторически она состоялась осенью 1245 г. и длилась по апрель 1246 г.) и женитьбе сына Даниила Романовича на дочери венгерского короля Белы, что случилось в начале 1247 г. В повествовании этого года, то есть 1250 г. по "Ипатьевской летописи", нет уже экскурсов в будущее, зато есть обращение к ранее описываемым событиям, скажем, смерти Михаила Черниговского, о чем мы писали выше.

Вторая особенность заключается в том, что "Летописец" в своих сообщениях 1201-1246 гг. (по "Ипатьевской летописи" - 1201-1250 гг.) не содержит ссылок ни на одно событие, произошедшее после 1247 г. Автор, об этом можно сказать с уверенностью, не знает, что происходило дальше в истории Даниилова княжения. Эта исследуемая часть "Летописца" сугубо автономна. Из этого можно заключить, что автор заканчивал свою работу в 1247 г., событиями начала этого же года.

Но вот что любопытно. Следующая статья "Летописца" под 1251 г. также говорит о событиях 1247 г.: "Умре князь великий лядьскый Кондратъ..." Эта смерть случилась 31 августа 1247 г., но сообщение о ней невозможно отнести к предыдущей статье 1250 г. и не только потому, что она помещена уже под другим годом и повествует совершенно о других событиях. Причина в другом. Уже в начале этой статьи сжато излагаются события четырех лет - 1247-1251: вокняжении в конце 1248 - начале 1249 гг. Самовита в Мазовше и походе 1251 г. князя Даниила на ятвягов. В ней чувствуется ретроспективный взгляд на описываемые события, как и в следующей за ней статье 1252 г., воспроизводящей взаимоотношения Даниила и литовского князя Миндовга в 1248-1251 гг. И здесь важно отметить, что помещенный в ней рассказ о язычестве литвы заимствован, как показал А.С.Орлов, из "Хронографа" 1262 г. (9.26).

Как эти, так и последующие статьи "Летописца" тесно связаны одной темой и не касаются событий,произошедших до 1247 г. Только об

убийстве герцога Фридриха 15.06.1246 г. упоминается (под 1252 и 1254 гг.) как о давно прошедшем ("герцюкъ бо уже убьенъ бысть"), и то затем, чтобы объяснить, почему в борьбу за его землю в 1248 и 1252 гг. были втянуты князь Даниил и его сын Роман. Поскольку в работе над этой частью "Летописца" использовался "Хронограф" 1262 г., то создавалась она уже после 1262 г. Таким образом, между первой частью, заканчивающейся по "Ипатьевской летописи" 1250 г. (исторически - началом 1247 г.) и второй частью, начинающейся 1251 г. существует, как минимум, 16-летний перерыв в изложении.

Существование этого перерыва в "Летописце" между 1250 и 1251 гг. не дает нам права согласиться с В.Т.Пашуто, который относил начало второй редакции к 1252 г. (10.93). Судя по всему, мы имеем дело с поэтапной работой, скорее всего, двух авторов над жизнеописанием галицко-волынского князя Даниила Романовича.

Первый автор закончил свой труд описанием событий конца 1246-начала 1247 гг. - сообщением о свадьбе Льва на дочери Белы. Может показаться несколько странной такая концовка значительного биографического труда на начале года, тем более, что во второй половине год был ознаменован удачным походом князя Даниила на ятвягов, о котором не забыл написать автор второй части "Летописца" даже спустя полтора десятилетия. Если бы первый автор знал об этом походе, то и он, надо полагать, не преминул бы сообщить о нем. Но автор первой части не был, судя по всему, в курсе событий, произошедших после начала 1247 г. Об этом свидетельствует тот факт, что последующие события 1247 г. были описаны после 1262 г., то есть они были настолько весомы, что и спустя 16 лет имели значение для продолжателя "Летописца".

Этот перерыв в описании 1247 г. указывает на внезапное прекращение работы первым автором. Но прекращение работы не связано с его смертью. На это указывает логическая завершенность его труда. Он рассказал о детских и юношеских годах Даниила и его брата Василька. Показал их борьбу за отчий престол и возмужание братьев. Продемонстри-

ровал рост авторитета Даниила Романовича в Русской земле и за ее пределами. Наконец, последняя статья его сочинения (под 1250 г.) повествует о поездке князя Даниила к Батыю и получении от него ярлыка на Галицко-Волынское княжество, то есть признании и монгольским ханом его прав на княжество. Последнее обстоятельство возвысило Даниила Романовича в глазах его давнего соперника венгерского короля Белы, который поспешил заручиться дружбой с грозным русским князем и упрочить ее браком детей. Ну а авторитет Даниила Романовича в Русской земле подчеркнут еще и тем, что именно Даниил Галицкий назвал кандидата на пост русского митрополита из своего окружения и отправил его в конце 1246 - начале 1247 гг. на поставление к византийскому патриарху в Никею.

Этим и заканчивается первая часть "Летописца", которую в дальнейшем мы будем называть 1-й редакцией. Если бы не существовало ее продолжения, то эта часть "Летописца" вполне могла расцениваться как законченное цельное произведение. Стало быть, успев логически завершить свой труд, автор не смог закончить жизнеописание князя Даниила в целом. Объяснить это обстоятельство можно только отъездом автора из Галицкого княжества навсегда. Ясно и другое - он не оставил после себя последователей, которые и в его отсутствие продолжили бы начатое им дело, и не было бы столь длительного перерыва.

Таким образом, первая редакция "Летописца Даниила Галицкого" представляет собой повествование о жизни Даниила Романовича Галицкого с 1201 по начало 1247 гг. Работа над этой частью жизнеописания была закончена в начале того же 1247 г. По хронологии "Ипатьевского летописного свода" она заканчивается статьей под 1250 г.

Вторая редакция "Летописца", об этом можно сказать с уверенностью, писалась после 1262 г. [5]. Начинается она, как мы выше опре-

---

[5] Ср. с В.Т.Пашуто: "Внимательное изучение выделенного лето-

делили, статьей 1251 г. А где ее конец - предстоит еще выяснить.

Ко второй редакции "Летописца", названной В.Т.Пашуто "Летописью епископа Ивана", ученый относил текст, охватывающий период с 1247 (по "Ипатьевской летописи" - 1252 г.) по 1263 гг. "Выделение этого текста еще не дает ключа к его пониманию, поскольку этот летописный холмский материал (как и свод 1246 г.) в дальнейшем (после смерти Даниила Романовича в 1263 г.) попал во Владимир и был там подвергнут книжниками князей Василька Романовича и его сына Владимира весьма существенной переработкой" (10, с.92). Мы не знаем, на каком основании В.Т.Пашуто смерть Даниила Романовича датирует 1263 г. и, соответственно, заканчивает этим же годом "летопись Ивана". Значительно ниже, на с.287 своего исследования он указывает иную дату смерти Даниила - 1264 г. - общепризнанную, причем ни в первом, ни во втором случаях не может быть и речи об опечатке.

Но нас в данном случае интересует, каким годом исследователь заканчивает "Летопись епископа Ивана". Учитывая ошибку в первой дате смерти князя Даниила и связывая окончание работы над летописью со смертью Даниила, конец ее, надо полагать, ученый относил все же к 1264 г. "Ипатьевская летопись" тоже сообщает о смерти князя Даниила под этим годом. Однако некая сухость и скупость этого сообщения, а также окружающий его текст, указывают на значительную переработку конца "Галицкой летописи" следующим, по единодушному мнению всех ученых, редактором. Из этого следует, что "Летописец Даниила Галицкого заканчивался 1264 г., годом смерти Даниила Романовича, как за-

---

писного текста (1247 - начало 60-х годов XIII в.) позволяет установить, что он не принадлежит и к своду 1246 г., являясь произведением следующего, более позднего этапа летописной работы" (10. 93).

канчивались со смертью правителя, возможно, взятые за образец, византийские императорские хронографы.

Но это гипотетическая или вероятная граница несохранившегося оригинала "Летописца". Наблюдения над текстом "Галицко-Волынской летописи" за 1260-1264 гг. позволяют точно установить сохранившийся конец жизнеописания Даниила Романовича, то есть выделить его из "Волынской летописи".

Повествование под 1260 г., в котором фигурирует Даниил Романович и которое, несомненно, написано (как и вся вторая редакция) близким ему автором, внезапно обрывается фразой Даниила: "Аще вы будете у мене, вамъ ездети в станы к нимъ, аже ли азъ буду...". Далее - обрыв фразы. Разговор касался приближающегося войска Бурундая и князья обсуждали, как лучше им поступить. Внезапный обрыв незаконченного разговора свидетельствует о грубом вмешательстве следующего, уже владимирского редактора в текст предшественника.

Возможно, он сам, а скорее всего позднейший составитель или переписчик "Ипатьевского летописного свода" почувствовал несогласованность предыдущего - галицкого - и последующего - волынского - текстов и вставил после указанных слов князя Даниила предложение: "По сем же минувшу лету", после чего повествование переключалось на брата князя Даниила - волынского князя Василька Романовича, а через абзац вновь возвращается к сообщению о походе Бурундая. Достаточно сравнить два сообщения под 1260 и 1261 гг., чтобы заметить редакторскую работу над связкой двух текстов. Под 1260 г.: "Татаромъ же приехавшимъ во ятвязе, ята быста посла и прашаше: "Где есть Данило?" Она же отвещаста: "В Милници есть". Онем же рекшимъ, яко: "То есть мирникъ нашь, братъ его воевалъ с нами. Туда идемъ". Сторожем же изминувшимся с ними, они же проидоша ко Дорогычину. Бысть же весть Данилу, послаша Льва и Шварна вонъ и Воло-

димера, река имъ: "Аще вы будете у мене, вамъ ездети в станы к нимъ, аже ли азъ буду ..." Фраза не закончена.

Под 1261 г. помещено новое описание тех же самых событий: "И приде весть тогда Данилови князю и к Василкови, оже Буронда идеть оканный проклятый, и печална бысть брата о томъ велми. Прислалъ бо бяше, тако река: "Оже есте мои мирници, сретьтя мя. А кто не сретить мене, тый ратный мне". Василко же князь поеха противу Бурандаеви со Лвомъ, сыновцемь своимъ, а Данило князь не еха с братом, послалъ бо бяше себе место владыку своего Холмовьского Ивана". Обращают на себя внимание некоторые отличительные детали двух повествований. В первом из них князь Даниил выпроводил сына Льва из Владимира, чтобы тому не довелось ехать к Бурундаю, а во втором случае, наоборот, Лев едет к Бурундаю вместе с дядей - князем Васильком. Сменилась и позиция автора, при описании происходящих событий. Если в первом случае Василько фигурирует только как брат "мирника" татар - Даниила Романовича и даже не назван по имени, то во втором - совершенно противоположная картина: "мирниками" названы оба князя, но первенствующее положение занял Василько, Лев назван не как сын Даниила, а как племянник Василька, а Даниил - как брат Василька.

Совершенно очевидно, что владимирский писатель воспользовался концовкой статьи 1260 г. и, развив ее, привязал свой труд к сочинению своего предшественника. Получилось как бы продолжение описания одного события. Правда, некоторую путаницу вносит ремарка "По сем же минувшу лету". И хотя герои одни и те же, но тенденция в их описании круто меняется. Очевидно, что на первый план выдвигается Василько Романович. Хотя и в последующих статьях (1261, 1262, 1264, кроме 1263, которая является фактически продолжением статьи 1262 г.) имя Даниила Романовича встречается, но оно только упоминается в буквальном значении этого слова, а рассказ ведется о Васильке Романовиче Волын-

ском. И здесь следует обратить внимание на две примечательные детали. В "Летописце" князъ Даниил всегда стоял на первом месте, когда упоминались он и его брат Василько: "Данило же с братом" (II.838), "Данилови же седшоу с братом" (II.848) и т.д., всегда подчеркивалась главенствующая роль князя Даниила в их братских и союзнических отношениях. В принципе, это вполне объяснимо, поскольку Даниил был старшим братом и лидером в их союзе.

Однако, статья 1261 г. сразу же называет на первом месте Василька, отводя ему, тем самым, главную роль, а Даниил упоминается всего лишь как брат его: "Бяшеть же тогда братъ Василковъ Данило князь со обоима сынома своима..." (II. 847-848). В том же духе изменилось, как говорилось уже выше, и описание истории с Бурундаем.

И другая весьма примечательная деталь. Начиная с 1255 г., то есть со времени коронации, и заканчивая последней статьей "Летописца" 1260 г., Даниил Романович везде на всем протяжении фигурирует как король, а не князь. Но та же статья 1261 г., как видно из только что приведенной цитаты, по-прежнему называет его князем, а не королем. И что самое интересное, на эту тенденциозную деталь обратил внимание более поздний редактор "Галицко-Волынской летописи" (или составитель "Ипатьевского летописного свода"), который зачеркнул в оригинале слово "князь" и написал слово "король" (см. примечание 4, "а" и "б" к столбцу 849). Совершенно очевидно, что интерес повествователя статей начала 60-х гг. круто изменился, и его больше привлекала личность Василька Романовича, нежели Даниила Романовича.

Такая разительная перемена пристрастий не могла произойти у автора второй редакции "Летописца", достаточно зарекомендовавшего себя в своем труде единомышленником и преданным сподвижником князя Даниила. И вряд ли он закончил бы жизнеописание князя Даниила, которого очень любил и уважал, после коронации называл только королем,

и еще при жизни воздавал вполне заслуженную хвалу ему, так скромно, как оно закончено в "Галицко-Волынской летописи": "Княжащу же Воишелькови в Литве, и поча ему помагати Шварно князь, и Василько. Нарекль бо бящеть Василка отца собе и господина. А король (Даниил - А.У.) бяшеть тогда впалъ в болесть велику, в ней же и сконча животъ свой. И положиша во церкви святе Богородици в Холме, юже бе самъ создалъ. Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда городы многи, и церкви постави, и украси е разноличными красотами. Бяшеть бо братолюбьемь святяся с братомъ своимъ Василкомъ. Сей же Данило бяшеть вторый по Соломоне. Посем же Шварно поиде..." и т.д. уже без упоминания Даниила Романовича (II. 862-863).

Чтобы узнать, кому принадлежат статьи начала 60-х гг., достаточно проанализировать запись под 1264 г., куда, кстати, входит и процитированное сообщение о смерти Даниила Романовича. Во-первых, статья 1264 г. прочно примыкает к предыдущему тексту статей 1261-1263 гг., являясь его продолжением. На это указывает редакторская ремарка в начале текста статьи 1264 г.: "... и оного Остафья уби, оканьнаго, ... о немже переде псахомъ". Об Остафии Константиновиче действительно упоминалось выше, в начале рассказа под 1262 г. Во-вторых, эти тексты связаны между собой единой темой: они воспроизводят последние годы правления великого князя литовского Миндовга, историю его убийства и вокняжение на отчем столе его сына Воишелка. Собственно, под тремя годами помещено одно развернутое повествование, которое гораздо позднее, надо полагать уже при составлении "Ипатьевского летописного свода", было разбито погодной сеткой на небольшие сюжетные отрезки - 1262, 1263, 1264 гг. Конец его, видимо, следует искать под 1268 годом. Скорее всего, это была цельная, сюжетно законченная повесть о литовском княжестве или литовской княжеской династии, близкой Васильку Романовичу.

Датированная годом смерти Даниила Романовича часть ее текста начинается, как мы видели, сообщением о вокняжении Воишелка "во всей земле Литовской" в 1264 г. Затем повествование возвращается на год назад и вспоминается свадьба у брянского князя Романа Михайловича, отдавшего свою дочь Ольгу за князя Владимира Васильковича, сына Василька Романовича. И снова повествователь возвращается к вокняжившемуся в Литве Воишелку, которому оказывали помощь галицко-волынские князья Шварно Данилович и Василько Романович, которого Воишелк назвал себе отцам и господином. Чтобы уточнить и объяснить, почему не король Даниил назван Воишелком отцом, сказано: "А король бяшеть тогда впалъ в болесть велику, в ней же и сконча животъ свои". И следом приводится уже цитированная краткая и скупая характеристика жизнедеятельности Даниила. И вновь повествование возвращается к Воишелку, Шварну, и Васильку, и автор этого текста еще дважды подчеркнул, что Воишелк назвал себе отцом Василька...

Таким образом, о смерти князя Даниила упоминается мимоходом в рассказе о взаимоотношениях нового великого князя литовского Воишелка и галицко-волынских князей Шварно Данииловича и Василька Романовича. Троекратное подчеркивание покровительства Василька Воишелку позволяет видеть в авторе этого повествования близкое владимирскому князю лицо, и приводит к мысли, что этот текст был написан уже после смерти князя Даниила.

Дело все в том, что князь Даниил никогда бы и не смог покровительствовать Воишелку, который в 1258 г. ("Ипатьевская летопись" сообщает об этом под 1260 г.) захватил сына Даниила - Романа и тогда же, видимо, убил его. Даниил отправился в том же году в Литву на поиски сына, но не нашел его. Под 1260 г. "Летописец" открыто называет Воишелка врагом князя Даниила. Между Даниилом и Васильком были настолько дружественные братские отношения, что о разногласиях

между ними не могло быть и речи. Гибель Даниила сына - племянника Василька - естественным образом отразилась обострением отношений между Даниилом и Воишелком, о чем "Летописец" и сообщает под 1260 г. Поэтому текст 1262-1264 гг. не мог появиться при жизни князя Даниила и войти в жизнеописание его. Разногласия в оценке Воишелка в тексте 1260 г. и 1264 г. свидетельствуют о том, что принадлежат они разным авторам, причем не одного круга. Стало быть, текст 1261-1264 гг. был написан не в Холме и не вторым автором "Летописца".

В рассказе 1261-1264 гг. чувствуется совершенно иная ориентация автора, нежели авторов "Летописца", и совершенно иные цели ставил он перед собой. Скорее всего, он и заменил холмский текст своим, и упомянул смерть Даниила только потому, что необходимо было объяснить читателю (скрыв при этом реальную причину), почему не король Даниил, а князь Василько, на которого сориентирован автор, покровительствует Воишелку.

Потому-то последние годы жизни Даниила и не сохранились в "Летописце". Отмеченное автором второй редакции враждебное отношение князя Даниила к Воишелку явно не устраивало владимирского автора (редактора). Отражая видимо изменившееся после смерти брата отношение своего князя к Воишелку, ставшему и союзником Василька и названным сыном, он умышленно заменил окончание "Летописца" на новое, чтобы связать его с тенденцией "Волынской летописи".

Несомненно, что автор второй редакции "Летописца", заканчивая жизнеописание князя Даниила, более подробно описал бы его последние годы жизни и смерть. Следовательно, "Летописец Даниила Романовича" в дошедшем до нас виде заканчивается не годом смерти Даниила Романовича - 1264, а 1260 г., поскольку его окончание заменено владимирским редактором. Поэтому мы предлагаем относить непосредственно к "Летописцу Даниила Галицкого" текст между 1201-1260 гг. включитель-

но [6].

Таким образом, в "Летописце Даниила Галицкого" можно вычленить две редакции: первую, охватывающую события 1201 - начала 1247 гг. (по "Ипатьевскому летописному своду" - 1201-1250 гг.) и вторую, охватывающую события со второй половины 1247 г. по 1260 г. (по "Ипатьевскому летописному своду" - 1251-1260 гг.), конец которой с 1261 г. по 1264 г. не сохранился (но, видимо, имелся в оригинале), составленную сразу же после смерти князя Даниила Романовича. Сообщение о его смерти находится уже в "Волынской летописи" под 1264 г. Таковы, на наш взгляд, хронологические рамки и структура "Летописца Даниила Галицкого".

1 Галицько-Волинський літопис // Жовтень. 1982. № 7.

2 Генсьорский О.І. Галицько-Волинський літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958.

3 Грушевський М. Історія українськоі літератури. - Львів, 1923. Т.Ш.

3а Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Науковаго товариства Ім. Шевченка. - Львів, 1901. Т.Х І. - С.1-72.

---

6 К этому же выводу, но путем текстологического анализа Ипатьевского и Хлебниковского списков, приходит и Л.Махновец: "Здесь (то есть в конце 1260 г. - А.У.) ... рассказ прерывается и этим заканчивается "Галицкая летопись"; далее начиначется "Волынская летопись" (І.61).

4 Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. - Л., 1967.

5 Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. - М.; Л., 1947. Т.5.

6 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.

7 Лихачев Д.С. Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. - М., 1987.

8 Лихачев Д.С. Великий путь. - М., 1987.

9 Орлов А.С. О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ. - М.; Л., 1947. Т.5.

10 Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М., 1950.

11 ПСРЛ. - СПБ., 1908. Т.2: Ипатьевская летопись. Указываются столбцы.

12 Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. - Л., 1940.

13 Романов В.К. Статья 1224 г. о битве на Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники: 1980. - М., 1981.

14 Ужанков О.М. Про авторський стиль у літературі Давньої Русі // Радянське літературознавство. 1985. № 11.

15 Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. № 12.

16 Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. - М.; Л., 1938.